
Пока ещё трамваи живы,
мне кажется, и я живу
не тощей справкой из архива,
а наяву.

Стук металлического сердца
вновь одурманивает сном,
и катится вагон по детству,
где я в окно
смотрю у мамы на коленях,
и жизнь проста, как дважды два,
а город полон удивленья
и волшебства...

Вези. Я памятью укроюсь,
пробив по карточке билет
туда, где самый светлый голос
и только свет...

...Фонарный по глазам. Разбужен,
сойду в бесснежье декабря.
Толкуются несколько пьянчужек
у фонаря.
Чего там?
«Выпить...
Сделай милость...».
Какой-то бред про Новый год...

Нет мелочи, и детство скрылось
за поворот.

Рассудок проясняя алкоголем
до снежной тошнотворной белизны,
я жизнью, знаешь, полностью доволен
и дни мои никем не сочтены.
Белеет день, как пресловутый парус,
еще б туман – конечно, голубой!
В такую зиму жить – сплошная радость!
А протрезветь так страшно, Боже мой...

Снег над дворами кружит птицею.
Собаки брешут дотемна.
А в слове будничном «провинция»
горчит какая-то вина.
Невыразимо настоящая,
как будто боль самой земли.
И молча смотришь на блестящую
макушку церковки вдали.
Крестясь украдкой, спотыкаешься,
привычно поминаешь мать...
И объяснить себе пытаешься,
и слов не можешь подобрать.

Остывая, смиряясь, взрослея,
привыкаешь к тому, черт возьми,
что великая наша Рассея
состоит из мышинной возни.
Слишком мелочны наши печали,
потому всюду схож неуют
и хоть в Липецке, хоть в Забайкалье
одинаково плачут и ждут.
В тамбур прѣшься спросонья, лохматый.
Закурить... Да не куришь давно.
Все не так – будто в песне, ребята,
и, качаясь, глядишь за окно.
Где-то в небе туманно-белѣсом
одинокая птица кружит
и стихи подступают, как слѣзы,
прямо к горлу усталой души.

Сколь веревочку не верти,
а написано на судьбе:
неизбежен конец пути –
возвратишься назад, к себе.
Оттого и спешу встречать
проходящие поезда.
Собачонкой худой печаль
по перрону туда-сюда.
Где скучающие часы,
чемоданная толкотня –
я шепчу себе: блудный сын,
отыщи, отыщи меня...

А небо застелено белым бельѣм,
как койки в больнице.

Соседи вздыхают о чём-то своём
со скукой на лицах.
Но ангел в курилке – спокоен и строг
без фальши и грусти –
сказал: карантин отмотаешь, браток,
и к саду допустим.

Одна и та же глупая картина:
толкуются алкаши у магазина,
сшибая деньги на пузырь вина.
Потом дерутся у дверей подъезда,
не разбирая времени и места,
и поутру не помнят ни хрена.

Чтобы ворваться без спроса
музыка время найдёт.
Взвизгивать будут колёса,
будет мычать идиот,
скверно играя немого,
мелочью грязной бренча,
что-то про бренность земного
и вековую печаль.
Лязг полумёртвых трамваев,
птичий и бабий галдеж –
музыка эта живая –
в жизни живей не найдёшь
для пиджаков и спецовок,
для площадей и трущоб.
Музыка вечна. Жаль, слово
не появилось ещё.

Дождя музыкальные пальцы
с утра на оконном клавире.
Замри, ошарашенно пясься,
как будто такое впервые.
Как будто мелодия эта
окрест созывает прощённых –
проход на ковчег без билета,
ждет Ной у подъезда хрущёвки,
неспешно дымя беломором,
глаза протирая спросонок...

И что-то про волны и море
звучит с этажа из колонок.

Как блатные мелодии просятся
на слова неприметных дворов,
так весна оказалась вдруг по сердцу,
словно я был всю жизнь к ней готов.
Словно где-то в дали переулочной
перекрещены наши пути...
Что весна – одинокая дурочка -
Говорит: не могла не прийти.

Выйдешь в сад с его прохладой,
оживешь на несколько минут.
Что ещё? А большего не надо,
только жаль, что птицы не поют.
Жаль, что ветви звякают уныло,
все вокруг качается слегка...
Зеленеет сад пустых бутылок
под беленым небом потолка.